

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

— Граф Монте-Кристо имел счастье в упоении мезью! — пробасил статный мужчина в шляпе с чуть заматыми краями. — Вдумайтесь, Ирочка, разве не справедливо воздать по заслугам своим обидчикам? Да-да! — подхватил он под локоток спутницу, темноволосую барышню лет семнадцати, помогая перешагнуть через лужу. — Вслушайтесь, как звучит само слово «ме-есс-ть», — произнес длинно и сочно. — Впрочем, вы слишком молоды, чтобы понять! — сказал поучительным тоном и бросил недоуменный взгляд на девушку, которая, будто и не слушая, вскинула лицо навстречу солнечным лучам, наслаждаясь ласковым весенним теплом.

— А как же христианские заповеди, Федор Иванович? — возразила она с легким недоумением, потому что уж слишком серьезно отнесся собеседник к теме мести, которая пришла в разговор совсем случайно. Могла прийти и другая. Ведь какая разница, о чем говорить, когда беседуешь с самим Шаляпиным, на которого с интересом поглядывают встречающие женщины, а на улице — весна, и кажется, жизнь с самого утра началась заново и обещает быть счастливой и бесконечной. — Мне так, напротив, кажется, что граф — несчастнейший из людей! Подумать только, на что он потратил жизнь? Как это можно?

— Как это можно? — снисходительно переспросил Шаляпин, прощая спутнице юную бескомпромиссность, горячую и искреннюю. — Поверьте на слово, Ирина Сергеевна, очень даже неосмотрительно так заявлять.

— И в чем же моя неосмотрительность, Федор Иванович? — поинтересовалась она беззаботно.

— Такие слова нельзя произносить! — Шаляпин нахмурился. — Никогда! Да-да, ни-ко-гда! — повторил он по слогам для большей убедительности. — Меня еще бабка

научила. Стоит только воскликнуть «как это можно?» и чем больше в вопросе негодования...

— ...и осуждения, — весело добавила Ирина.

— ...и осуждения, — кивнул Шаляпин, — тем больше вероятность, — его голос трагически зарокотал, — что судьба, услышав вопрос, непременно поставит тебя именно в такие условия, при которых ты сам же и дашь себе ответ на вопрос «как это было можно?». Ох, не шутите, голубушка, с такими словами.

— «Не судите, да не судимы будете»? Так, Федор Иванович?

— Именно так, — подтвердил Шаляпин и вдруг остановился, состроив трагическое лицо. — Но... фраза уже произнесена... и услышана... там! — театрально вскинул он руку к небу.

Ирина ахнула и так старательно изобразила смятение, что Шаляпин, уже почти вошедший в роль оракула, с трудом удержался от улыбки.

— Берегитесь, Ирэн, как бы не пришлось вам стать графиней! — продолжил он с такой интонацией, что и непонятно, то ли посочувствовал, то ли порадовался, то ли посмеялся.

— Ну что ж, будем знакомы. Графиня Монте-Кристо, — с удовольствием включившись в игру, произнесла Ирина по-французски, чтобы лучше соответствовать образу, и царственным жестом протянула спутнику руку для поцелуя. — А что, — она надменно вскинула голову, — мне нравится и имя и титул! — Все-таки, не выдержав, она прыснула от смеха.

— Ирочка... — начал было Шаляпин, едва прикоснувшись губами к ее пальцам.

— Нет-нет, мсье великий оперный певец, — изобразив строгость на лице, она надменно приподняла бровь, — вы поцеловали мне руку недостаточно почтительно. — Пожалуй, попробуйте еще раз!

— Ирочка, — спутник снова прикоснулся губами к ее руке, — сказать по правде, вы мне порой напоминаете... — он задумался на секунду, видимо, подбирая слова, а потом глянул со снисходительной усмешкой, — котенка...

Ирина поморщилась.

— Да-да, именно котенка! Маленького, пушистого, — ласково продолжил Шаляпин, — но с хорошо спрятанными в мягких лапках о-остренькими коготками.

— Терпеть не могу кошек! — заявила Ирина нарочито пренебрежительно, вовсе не потому, что это было правдой, а просто для того, чтобы продолжить забавный разговор, убрала руки за спину и с независимым видом пошла по усыпанной гравием дорожке. — Я, между прочим, — посмотрела с вызовом, — родилась в августе, посему предпочитаю львиц, а не каких-то там кошек.

— О-о-о, — губы Шаляпина расплзлись в улыбке, — вы, Ирочка, судя по всему, и не видали вовсе настоящих кошек, грациозных и изящных, от одного вида которых дух захватывает! А кстати, вам известно, в чем отличие львов от львиц? — посмотрел он с хитринкой.

— Фе-едор Иванович, ну что за вопросы вы девице задаете? — Губы Ирины задрожали от едва сдерживаемого смеха.

— А вы не смейтесь, Ирина Сергеевна, — Шаляпин сделал серьезное лицо и снова взял девушку под руку. — Послушайте-ка лучше опытного человека.

Она старательно изобразила внимание. Двусмысленный разговор щекотал нервы и будил воображение, потому уходить от него пока не хотелось.

— Дело в том, голубушка, — продолжил Шаляпин, — что львы в охоте не участвуют. Добычей овладевают львицы.

Ирина удовлетворенно кивнула, потому что иначе и быть не могло.

— И вот тут... — Шаляпин вдруг прервался и вытянул руку ладонью вверх. — Дождь? — спросил он изумленно и поднял голову к небу, откуда тучка-озорница брызнула из небесной лейки на землю крупными дождевыми каплями.

— Дождь, дождь, Федор Иванович! — восторженно воскликнула Ирина и потянула спутника за руку к навесу, под которым были расставлены лотки с незатейливыми расписными деревянными игрушками — потехой для детишек и головной болью для строгих мамаш, считающих, что их чадо

непрерывно должно все свободное время проводить повторяя гаммы на фортепьяно, ну, или хотя бы изучая иностранные языки, которые просто обязан знать каждый образованный человек, а уж вовсе не тратить попусту время на всякие глупые безделушки.

— Пожалуйте, барин, — расплылся в улыбке торговец, гостеприимно сдвигая один из лотков внутрь и освобождая место. — Господь, кажись, дождь послал. К урожаю, — попытался он завязать разговор.

— Спасибо, любезный, — Шаляпин порылся в кармане пальто, вложил в руку торговца монету, снял шляпу, стряхнул дождевые капли и повернулся, невольно оказавшись почти вплотную к Ирине.

Та замерла, потому что еще никогда посторонний взрослый мужчина не стоял к ней так близко.

— Так о чем это я? — почему-то тоже, чуть смутившись, пробормотал Шаляпин и немного отстранился. — Ах да, о львицах...

Ирина подняла воротник пальто и наклонила голову, спрятав нижнюю часть лица.

— Холодно? — заботливо поинтересовался Шаляпин.

— Нет-нет, Федор Иванович. Продолжайте. Мне очень интересно. Говорите же! — потребовала она и тоже чуть-чуть отступила.

— Так вот, — Шаляпин откинул со лба прядь светлых волос и надел шляпу. — Вот тут, Ирочка, и наступает важный момент. К добыче начинают приближаться гиены — отвратительные, мерзкие твари. И часто львица уходит, не желая вступать в борьбу. И добыча могла бы остаться у жадной воюющей своры, но если рядом есть лев, который, защищая добычу львицы, способен одним взмахом лапы отогнать гиен, то порядок восстанавливается и справедливость торжествует. Царь он, в конце концов, или не царь?

— Царь, конечно, — снисходительно согласилась Ирина. — А львица — царица! — не смогла не добавить она.

— Я к тому веду, — серьезно продолжил Шаляпин, — что люди, которым мстил граф Монте-Кристо, были подобны

гиенам, отнявшим чужое. Вы же, Ирочка, рассуждаете как львица, не желающая унижать себя борьбой с гиенами. А за свой кусок надобно стоять, — протянул он назидательно, — и уж тем более за подлость и низость наказывать. Так-то вот, голубушка. А то неровен час от гиен отбою не будет! И так уж развелись повсюду, — сдвинул он брови. — Все крутятся, высматривают, вынюхивают, как бы только застать тебя враспloh и урвать хоть чего. Так что без львов, Ирина Сергеевна, никак не обойтись, — закончил он покровительственно.

— Боюсь, Федор Иванович, — в глазах Ирины снова блеснули озорные огоньки, — природа распорядилась так, что мне все же придется довольствоваться ролью львицы и надеяться на встречу с царем зверей, достойным моего внимания, — она бросила насмешливый взгляд на спутника, который, видно, не найдя что сказать, покашлял и начал поправлять шляпу.

— Федор Иванович! Смотрите, как быстро кончился дождь! — воскликнула Ирина, выставив ладошку из-под навеса.

— Весна-а! — благодушно пробасил Шалапин. — У природы настроение меняется, как... — бросил на Ирину смеющийся взгляд, — у молоденькой девушки, по сто раз на дню. Пойдемте-ка, голубушка, а то ваш батюшка волноваться будет: куда его сокровище запропастилось? — подхватил он Ирину под руку. — Кстати, к нашему разговору о мести. Помните, как у Пушкина: «Есть упоение в бою»?

Ирина кивнула.

— Так вот, поверьте, в мести тоже есть упоение. И именно поэтому граф Монте-Кристо все-таки счастливый человек!

Они перешли на другую сторону Чистопрудного бульвара и свернули в Архангельский переулок, украшенный высокой башней храма Архангела Гавриила, построенного еще Александром Меншиковым и где, по слухам, в былые времена собирались члены таинственной масонской ложи. В соседнем храме — Федора Стратилата — два года назад настоятель Антиохийского подворья епископ Антоний Мубайед отпел мать Ирины. Та с первых же дней войны стала работать в госпитале и через несколько месяцев скончалась от внезапного сердечного

приступа. Смерть матери перевернула жизнь семьи. В доме поселилась тоскливая пустота, которую, казалось, невозможно будет заполнить ничем и никогда. По ночам, лежа в постели, Ирина произвольно вслушивалась в тишину, втайне ожидая, хотя и не смея признаться в этом даже себе самой, что вот вдруг однажды произойдет чудо — распахнется дверь и оттуда появится мама, красивая, уютная, ласковая, улыбчивая, проведет ладонью по ее голове и помертвевшее пространство вокруг оживет, наполнится радостью и прежней, беззаботной жизнью. Но дверь не распахивалась, и от этого Ирине становилось так тоскливо и безысходно, что она, зажмурив глаза, как в детстве, сворачивалась под одеялом комочком, надеясь, что мама придет к ней хотя бы во сне и с ней можно будет снова без утайки поговорить обо всем на свете, а мама, как всегда, не будет перебивать и станет слушать так, будто ничего важнее для нее нет и быть не может. Отец Ирины, известный адвокат, и раньше не баловавший дочь особым вниманием, считая, что правильное воспитание девочки дело женское, после постигшего семью горя, вопреки ожиданиям дочери, еще больше отдалился, с головой уйдя в работу и политику, которой в последнее время в его окружении занимались все — и те, кому действительно была небезразлична судьба России, и те, кто, предчувствуя время неизбежных и близких перемен, старался присмотреть себе политическую партию повыгоднее. А времена и правда наступили тревожные. С каждым днем становилось все более очевидным: Россия войну проигрывает. Воздух был напряжен, словно перед грозой: то здесь, то там, будто отдаленные всполохи молний, возникали стихийные митинги, на которых требовали немедленной смены министров или всего правительства. Говорили, что война неудачна по причине измены, причем многие обвиняли даже царицу, которая якобы выдавала Вильгельму II сведения государственной важности. Необходимо было что-то делать, спасти Россию, но что могла сделать она — выпускница Смольного института? Впрочем, Ирина умела стрелять, что являлось предметом гордости отца и было, пожалуй, чуть ли не единственным, чему тот с удовольствием в течение последних двух лет обучал дочь, выезжая на дачу. Сама же Ирина

обучалась стрельбе из револьвера с несвойственным молоденьким девушкам старанием и даже удовольствием. Приятная тяжесть оружия в ладошке, звонкие хлопки выстрелов и запах пороха щекотали ее нервы и давали ощущение силы и власти над ситуацией. К тому же и результат не надо было ждать бесконечно долго. Попала или промахнулась — все известно через мгновение. И что же теперь? Брать револьвер и ехать на фронт? Но оттого, что люди в порыве патриотизма бросятся на рельсы, разогнавшийся поезд, имя которому — война, не остановится. А еще этот Распутин...

— Федор Иванович, а вы знакомы с Распутиным? — неожиданно спросила она у спутника, остановившись у подъезда своего дома, и едва не засмеялась, заметив, как изменилось выражение лица Шалапина. Словно ложку горчицы проглотил!

— Бог миловал! — Шалапин поставил ногу на высокую каменную ступеньку. — Как-то его секретарь, не застав меня в квартире, передал моей супруге, что старец-де желает со мной познакомиться и спрашивает, как мне будет приятнее: принять его у себя либо к нему пожаловать?

— А вы?

— Не ответил.

— Ох уж? — недоверчиво покачала головой Ирина.

— Да! — Шалапин картинно расправил плечи. — Не ответил! Я слышал, он груб бывает без меры и церемоний не соблюдает в отношениях. Неровен час сказал бы мне чего обидного, а я — в морду ему, — он согнул руку в локте и сжал пальцы в увесистый кулак.

Ирина понимающе закивала.

— Да-да, — важно сказал Шалапин. — Такая могла бы выйти несуразица. Тем более, сами знаете, драться с обласканными двором людьми — дело опасное... Так-то вот, Ирина Сергеевна, — он двинулся по ступеням вверх.

Тяжелая дубовая дверь подъезда открылась, и на крыльце появился привратник, благообразный и важный, с пышными усами на пол-лица.

— Здравия желаю! — поприветствовал он пришедших, придерживая дверь.

— Зайдете, Федор Иванович? — Ирина вопросительно посмотрела на спутника. — Это же так прелестно будет — раз уж мы с вами случайно на улице встретились, значит, судьба ваша сегодня у нас в гостях побывать! Не хотите же вы послушаться голоса судьбы? — шутливо нахмурилась она. — Ну же, Федор Иванович, решайтесь без раздумий!

— Сдаюсь! — чуть поколебавшись, расплылся тот в улыбке. — Вам, прелестная Ирэн, отказать не могу.

Он шагнул вслед за Ириной в просторный подъезд, своды которого могучими каменными плечами подпирали неутомимые атланты. Атланты были огромны и незыблемы, хотя в детстве Ирина побаивалась проходить мимо них, воображая, что вдруг в один не самый прекрасный день каменным гигантам наскучит стоять неподвижно и они возьмут да и отойдут в сторону... Просто, чтобы посмотреть, каково будет людям без них?

Ковровая дорожка подвела ко входу в квартиру, занимавшую пол-этажа. Дверь открыл старый слуга Василий, добродушный и говорливый. Ирина обожала старика, который угощал ее в детстве разноцветными леденцами и баловал незатейливыми, но полными удивительной мудрости народными сказками, от которых в душе оставалось ощущение светлого чуда и тепла.

Прихожая совсем некстати была завешена чужими пальто, шарфами и шляпами. В квартире теперь часто собирались старые и новые знакомые отца — он словно пытался заполнить пустоту, образовавшуюся в доме после кончины жены.

Из гостиной через приоткрытую дверь донесся веселый голос:

— Так вот послушайте, господа! Мой коллега, школьный товарищ Брюсова, сообщил его юношеский экспромт:

Мелодия нарушена,
Испорчен инструмент,
Свеча любви потушена,
Упал мой президент.

Взрыв смеха, раздавшийся в гостиной, вызвал улыбку у Шалапина. Ирина же опустила глаза, словно отгораживая себя от чужого ей мужского мира.

— Сергей Ильич, так что господин Шаляпин к вам, и Ирина Сергеевна с ними! — поспешно распахнув дверь, возвестил Василий.

Смех оборвался.

— Фе-едор Иванович, — поднимаясь с кресла, нараспев произнес отец и, широко расставив руки, двинулся навстречу гостю. — Вот сюрприз так сюрприз! Рад, рад, безмерно! Проходите же, дружище! — Обнял Шаляпина и дружески похлопал по спине.

Сергей Ильич был почти одного роста с гостем и чем-то даже похож на него: то ли статью, то ли той спокойной уверенностью в себе, которой обладает всякий, достигший в своем деле вершины профессионализма.

— Спасибо тебе, Ириночка, за такого гостя! — улыбнулся он дочери.

Ирина же, снисходительно выслушав привычные комплименты мужчин о том, что «и повзрослела, и расцвела, и на покойную матушку-красавицу сделалась похожа», прошла вглубь комнаты и устроилась в кресле. Она, как и многие молоденькие девушки, естественно, считала себя умнее и красивее жен папиных друзей и коллег. И, конечно же, была уверена, что все они, точнее, почти все, втайне влюблены в нее. Просто не показывают виду. Так, иногда, мелькнет в глазах что-то, вот как сегодня у Шаляпина.

— Знакомьтесь, Федор Иванович, — Сергей Ильич сделал паузу, пытаясь сообразить, в каком порядке следует представить гостей. Решил начать с того, который стоял ближе. — Полковник Чирков. Неделю назад прибыл из действующей армии, прямо с фронта.

Полковник, прищелкнув каблуками, крепко пожал руку Шаляпину.

— С профессором Мановским вы у меня уже встречались, — продолжил Сергей Ильич.

Профессор, невысокий человек в мягком сюртуке, протянул гостю руку с расслабленной ладошкой, которая утонула в ладони Шаляпина.

— Не знаю, знакомы ли вы с господином Керенским? — Хозяин повернулся к стоящему чуть поодаль худощавому

мужчине с бледным лицом и болезненными мешками под глазами, одетому в полувоенный френч.

— Александр Федорович, — бросив на Шаляпина цепкий, изучающий взгляд, представился тот. — Очень рад знакомству. Являюсь искренним поклонником вашего таланта.

Шаляпин расплылся в благодушной улыбке.

— Будет вам, Александр Федорович! — пожал он руку Керенскому. — Сценический талант в наше время в меньшей цене, нежели талант политический.

— Именно время и покажет, кто чего стоит! — с улыбкой отпарировал тот.

Гости снова расселись в кресла и на диван возле столика, заставленного легкими закусками, в середине которого возвышался запотевший графинчик с водкой.

Ирина, сожалея, что привела Федора Ивановича в дом в такое неудачное время, когда продолжить беседу с глазу на глаз уж точно не удастся, принялась листать новый номер журнала «Изида», посвященного оккультным наукам и тайным знаниям. Журнал ей определенно нравился. По ее мнению, для девушек тонких и образованных, к коим она себя относила, чтение «Изиды» было просто необходимо. В нем было много непривычного, побуждающего к размышлениям и более внимательному взгляду на мир внутри себя, немало развивающего и возвышающего душу, что помогало отгородиться от соблазнов вокруг, которых просто не счесть. К примеру, она до сих пор еще ни разу не позволила себе всерьез увлечься мужчиной, если, конечно, не считать Феличку Юсупова, по которому втайне вздыхала за компанию со многими сокурсницами по институту. Ну, так это же была упоительно веселая игра — писать в дневниках любовные послания, которые, ясно, никогда не будут отправлены, и перешептываться друг с другом об очередных похождениях великосветского красавца! «Это так унижительно — принадлежать кому-то! Будто ты вещь какая!» — не раз говорила она своим подругам. Конечно, ей было интересно — как же на самом деле все происходит между мужчиной и женщиной? Ответа на этот щепетильный вопрос у Ирины не было. В ней борлись стеснительность и любопытство, но стеснительность пока

побеждала — лишь только подруги заводили разговор на эту тему, она смущенно отходила в сторону: казалось, стоит только начать прислушиваться — неизбежно произойдет что-то постыдное и предосудительное. Да и как признаться, что до сих пор этого не знаешь? Сколько раз она пыталась найти ответ на страницах любовных романов, которые брала почитать у подруг, но... «Он подошел к ней... обнял и нежно поцеловал... почувствовал, как страстно трепещет ее тело... они проснулись от первого луча солнца... она благодарно прикоснулась губами к его виску...» И все! Какая тайна скрывалась за этими строками? «Всему свое время, Ирочка!» — говорила мама, ласково поглаживая дочь по голове. «Но когда оно наступит, это время? — спрашивала себя Ирина. — А вдруг я его пропущу? Или уже пропустила? Ну почему, почему я не родилась мужчиной? Ведь именно мужчины являются подлинными хозяевами жизни, управляют событиями, а заодно и женщинами. И потом, разве женщины могут сделать хоть что-нибудь значимое для блага России? Конечно, во Франции была Жанна д'Арк, но ведь когда это было и чем это служение стране для нее закончилось?»

Ирина, вздохнув, полистала журнал и остановилась на странице с заголовком «Снотолкование, составленное св. Никифором».

«Так... Что же мне снилось сегодня? — задумалась она. — Кажется, ничего. Проснулась от лая собак за окном, но вот что снилось? — потеряла пальцами висок. — Вспомнила! Снилось, будто стою посреди заснеженного поля, чувствую, как горят щеки, и стараюсь прикрыть их ладонями, чтобы никто не заметил, потому что — дурно и некрасиво. На какое же слово искать?» — побежала глазами по строчкам. — «Бить... мужа, который смеется, — счастливое замужество», — перевернула страницу. — «Воробей — замужество с пьяницей», «Жаба — победа над неприятелем», «Змея в кровати, — передернула плечами, — доброе предзнаменование».

Изучение журнала прервал хорошо поставленный, явно привыкший звучать перед большой аудиторией голос профессора Мановского.